

«Крыжовник»

Протест против пошлости жизни, губящей человека, изображенной в новелле «Ионыч», еще более сильно выражен в рассказе «Крыжовник».

«Добрый, кроткий человек» по природе своей, чиновник Николай Иванович Чишма-Гималайский, сидя в канцелярии и переписывая бумаги, всю свою жизнь мечтал приобрести собственную маленькую усадьбу с крыжовником. Жил он скучно, недоедал, недопивал, одевался словно нищий и все копил и клал деньги в банк; страшно жадничал, чтобы только купить усадьбу. Кроме объявлений в газетах о продаже усадеб он ничего не читал. И женился он на старой некрасивой вдове только с той целью, чтобы купить усадьбу.

У жены водились деньги, он их клал на свое имя, а супруге хлеба черного не давал доволь и загнал ее в гроб.

Скопив деньги, Николай Иванович наконец купил усадьбу, выписал двадцать кустов крыжовника, посадил и зажил помещиком.

Брат решил его проведать. Приехал. Идет к дому. Навстречу ему — рыжая собака, толстая, похожая на свинью. Вышла из кухни кухарка, голоногая, толстая, тоже похожая на свинью. Вошел к брату — он сидит в постели, колени покрыты одеялом, постарел, пополнел, обрюзг, щеки, нос, губы тянутся вперед, — того и гляди, хрюкнет в одеяло.

И вот добрый и кроткий человек опустил плечи, начал много есть, ссориться с обществом, стал наглым и самоуверенным. Раньше не смевший иметь собственные взгляды, он теперь только и говорит прописные истины и таким тоном, точно министр: «Образование необходимо, но для народа оно преждевременно», «Телесные наказания вообще вредны, но в некоторых случаях они полезны и незаменимы».

Он стал крепостником, забыл, что дед его был мужик, а отец — солдат; начал эксплуатировать крестьян и бессовестно стал заявлять о том, что для него «народ делает все», что он «захочет».

Чехов художественно развенчивает «героя», противопоставляя ему образ интеллигента — ветеринарного врача Ивана Ивановича, родного брата «героя» (от его лица ведется рассказ) и проводя идею борьбы против условий, затягивающих все здоровое в свою болотную пучину.

Иван Иванович многое пережил, многое понял, во многом разочаровался. Его острый взгляд видит несправедливость жизни, замечает тлетворное влияние господствующей морали:

«Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье... Между тем во всех домах и на улице тишина, спокойствие, из пятидесяти тысяч, живущих в городе, ни одного, который бы вскрикнул, громко возмутился. Мы видим тех, которые ходят на рынок за провизией, днем едят, ночью спят, которые говорят про свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащат на кладбище своих покойников, но мы не видим и не слышим тех, которые страдают, и то, что страшно в жизни, происходит где-то за кулисами. Все тихо, спокойно, и протестует одна только немая статистика: столько-то с ума сошло, столько-то ведер выпито, столько-то детей погибло от недоедания... Очевидно, счастливые чувствуют себя хорошо только потому, что несчастные несут свое бремя молча, и без этого молчания счастье было бы невозможно. Это общий гипноз».

Иван Иванович протестует против «подавляющей силы» самодержавного порядка, очень сожалеет, что он стар, «не годится для борьбы», но другим советует бороться.

Именно Иван Иванович говорит:

«Уходить из города, от борьбы, от житейского шума, уходить и прятаться у себя в усадьбе — это не жизнь, это эгоизм, лень, это своего рода монашество, но монашество без подвига. Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа».

Иван Иванович советует не ждать, а действовать:

«Мне говорят, что не все сразу, всякая идея осуществляется в жизни постепенно, в свое время. Но кто это говорит? Где доказательство, что это справедливо? Вы ссылаетесь на естественный порядок вещей, на законность явления, но есть ли порядок и законность в том, что я, живой мыслящий человек, стою надо рвом и жду, когда он зарастет сам или затянет его илом в то время как, быть может, я мог перескочить через него или построить через него мост. И опять-таки во имя чего ждать? Ждать, когда нет сил жить, а между тем, жить нужно и хочется жить».

Протестуя против устоев жизни, которые калечат людей, Чехов звал на борьбу за новую жизнь, предъявлял высокие требования к людям, хотел их видеть свободными, счастливыми радостными, трудящимися на благо родины, побеждающими природу, проявляя на просторе все свои выдающиеся способности и не думая о куске хлеба, об унтере Пришибееве, о капиталисте Хрымине.

По В. Новикову

Центральную часть рассказа «Крыжовник» составляет повествование Ивана Ивановича Чимши-Гималайского о своем брате, поставившем себе целью приобрести усадьбу с крыжовником и чувствующем себя удовлетворенным, счастливым, когда эта мечта осуществляется.

Здесь демонстрируется проникновение футлярности в сферу желаний, мечты, цели современного человека. Чехов показывает, что люди, не захваченные полезной общественной деятельностью, не занятые настоящим, плодотворным трудом, ограничивают себя малой задачей, создают иллюзии цели, расходуют энергию, труд, молодость на ее выполнение, ошибочно, слепо принимая достижение этой незначительной цели за свое жизненное предназначение, за свое счастье.

В сущности, брат Ивана Ивановича, Николай Иванович Чимша-Гималайский, в своей неудовлетворенности чиновничьей деятельностью, тоске по воле обнаруживает высокое человеческое чувство — любовь к свободе, но это чувство укладывается в футляр, вырождается в убогое желание купить маленькую усадьбу с крыжовником, и понятие о счастье человека суживается им до крохотного счастьяца собственника. На достижение этого опошленного человеческого идеала затрачивается, однако, столько энергии и сил, сколько с избытком хватило бы для широкой разумной деятельности. В «жертву идолу» герой «Крыжовника» бросает лучшие годы молодости («Жил он скупко, недоедал, недопивал, одевался бог знает как, словно нищий, и все копил и клал в банк»), отказывается от чувства любви («все с той же целью... женился на старой некрасивой вдове, без всякого чувства, а только потому, что у нее водились деньжонки»), наконец, не замечая даже этого, приносит в жертву и чужие жизни (жена его «стала чахнуть от такой жизни да года через три взяла и отдала богу душу»). И вот цель достигнута: в собственном имении созревает свой крыжовник, и тогда особенно обнажается узость, эгоистичность задачи, призрачность цели.

В первоначальном замысле рассказа это уродство, неразумность обнаруживал у Чехова сам герой: «Крыжовник был кисел: «Как глупо!» – сказал чиновник и умер».

В окончательном же варианте автор лишает своего футлярного героя такого «прозрения», напротив, показывает, как достижение узенькой цели вытравило из него все человеческое, привело его к самоудовлетворенности, к ощущению полного счастья от праздной сытой скотоподобной жизни (и собака в его имении «похожа на свинью... и кухарка, голоногая, толстая, тоже похожа на свинью, и сам новоявленный помещик...

располнел, обрюзг, щеки, нос и губы тянутся вперед – того и гляди хрюкнет»). И чувства, и мозг его тоже как бы заплыли жиром. Этот прежде «добрый и кроткий» человек, бедный чиновник, войдя вполне во вкус барской бездеятельной жизни, уже набрался чванливости, обижается, когда его не называют «вашим благородием», величественно и снисходительно ставит народу «полведра», высказывает пошлые, тривиальные умеренно либеральные мысли: «образование необходимо, но для народа оно преждевременно, телесные наказания вообще вредны, но в некоторых случаях они полезны и незаменимы».

В завершеном варианте рассказа не сам Николай Иванович (вполне удовлетворенный осуществлением своей «заветной мечты»), а рассказчик — Иван Иванович, присутствовавший при волнующей его брата «счастливой развязке» (появлении на столе тарелки с собственным крыжовником), критически осмысливает весь пройденный им неразумный путь к достижению нищенской цели и недостойный настоящего человека финал этого пути.

Характер повествования Ивана Ивановича отличается тем, что он не просто занимает позицию созерцателя, спокойно и обстоятельно передающего события, сконцентрированные вокруг одного лица, как это делает Буркин в «Человеке в футляре»; рассказ Ивана Ивановича, на которого по его собственному признанию, судьба брата произвела сильное и решающее впечатление в перемене его взглядов, отличается множеством отступлений — результат дополнительных наблюдений, раздумий и обобщений.

Стремясь не столько заинтересовать своих слушателей образом и судьбой героя, сколько заставить поверить в свои выводы, Иван Иванович расширяет повествование то за счет параллельных примеров суженного эгоистического существования или неумения отличить значительное от незначительного (купец, перед смертью съевший все свои деньги и выигранные билеты, чтобы никому не досталось; барышник, попавший под локомотив и беспокоящийся о том, что в сапоге отрезанной ноги осталось двадцать рублей), то за счет своих рассуждений:

«Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку. И говорят также теперь, что если наша интеллигенция имеет тяготение к земле и стремится в усадьбы, то это хорошо. Но ведь эти усадьбы — те же три аршина земли. Уходить из города, от борьбы, от житейского шума, уходить и прятаться у себя в усадьбе — это не жизнь, это эгоизм, лень, это своего рода монашество, но монашество без подвига. Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа».

Закончив повествование, Иван Иванович тотчас же как бы подводит итоги («Как, в сущности, много довольных, счастливых людей! Какая это подавляющая сила!..») и откровенным взволнованным признанием неприятия тишины, спокойствия современной несправедливой общественной жизни стремится разбудить у своих слушателей дух беспокойства, протеста:

«Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье. Между тем... все тихо, спокойно, и протестует одна только немая статистика... Меня угнетают тишина и спокойствие...»

Но сделав правильные критические обобщения, угадав несправедливость, ненормальность современной социальной жизни во многих ее проявлениях, необходимость борьбы с самоуспокоенностью, с общественной «тишиной», с теориями, ограничивающими человеческое существование, Иван Иванович предлагает, однако, как один из способов борьбы и переустройства, расплывчатую форму: «Делайте добро».

Хотя рассказчик и не может четко и определенно сформулировать, в чем смысл и цель жизни, хотя он чувствует себя уже старым, негодным для борьбы, неспособным ненавидеть, но его критический пересмотр всей своей в молодости тоже по-своему

эгоистически успокоенной, футлярной жизни, его «душевная скорбь», досада, раздражение на современную действительность и горячее желание пробудить у молодого поколения стремление не успокаиваться, не усыплять себя, приносить общественную пользу — создает у читателя впечатление (в соединении с образом Коваленко — «Человек в футляре»), что уже появляются люди, не принимающие футлярных норм жизни, страстно задумывающиеся над тем, как разорвать их, содействовать перестройке действительности.

Однако Чехов настойчиво показывает, что Иван Иванович с его беспокойством, как и Коваленко с его прямо физическим отвращением к современной «кислой» жизни, являются еще исключением и остаются непонятыми окружающими. Слушателей Ивана Ивановича — Буркина и Алехина — «не удовлетворил его рассказ», их не тронуло его волнение, они не вникли в его призывы. Этим фактом писатель еще раз подчеркивает ядовитое воздействие футлярной жизни на сознание и чувства людей.

По М. Семановой

Во втором произведении трилогии — «Крыжовник» — рассказчик Иван Иваныч поведал историю о своем брате — человеке, который всю свою жизнь мечтал только об одном — о собственном крыжовнике. Если лейтмотивом «Человека в футляре» являлась мысль «больше так жить невозможно!», то главная мысль «Крыжовника»:

«Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа».

Можно сказать, что приведенные слова не только передают идею произведения, но и определяют его структуру. Если своего рода «увертюрой» к разговору о «человеке в футляре» служил образ Мавры, то здесь уже совсем иное начало: рассказ открывается пейзажем:

«Далеко впереди еле были видны ветряные мельницы села Мироносицкого, справа тянулся и потом исчезал далеко за селом ряд холмов, и оба они знали, что это берег реки, там луга, зеленые ивы, усадьбы, и если стать на один из холмов, то оттуда видно такое же громадное поле, телеграф и поезд, который издали похож на ползущую гусеницу, а в ясную погоду оттуда бывает виден даже город».

Так с самого начала Чехов славно раздвигает рамки повествования, открывает Читателю то, что так и не видела бедная Мавра, не выходявшая за пределы своего села. Казалось бы, совсем обыкновенная житейская подробность: в «Человеке в футляре» разговор происходил ночью в сарае, а здесь герои вышли на простор. Но задумаемся — как подходит этот темный сарай для разговора о Мавре, о Беликове, о «футляре» и как оправдана картина вольного простора для второго рассказа. Поэтическая мысль Чехова обнимает собой простор все шире и шире, и вот уже образ всей родной страны встает перед нами. Не случайно дальше идут слова:

«Теперь, в тихую погоду, когда вся природа казалась кроткой и задумчивой, Иван Иваныч и Буркин были проникнуты любовью к этому полю и оба думали о том, как велика, как прекрасна эта страна».

И когда открывается такая перспектива, такая глубина видения, маленьким и жалким кажется владелец усадьбы с крыжовником — Николай Иваныч Чимша-Гималайский. Этот образ так же противоречит самой жизни, как и его духовный собрат — «человек в футляре». Тот нашел свой идеал в гробе, об этом же Чехов в записной книжке говорит так:

« — Человеку нужно только 3 аршина земли.
— Не человеку, а трупу. Человеку нужен весь земной шар».

И Беликов, и Чимша-Гималайский — фигуры типические для жизни того времени. И вместе с тем это существа, обреченные на гибель. Они связываются в сознании писателя с образом смерти.

Знакомясь с черновыми записями к «Крыжовнику», мы приближаемся к самому процессу рождения образа. Вначале Чехов, набрасывая вкратце историю покупки имения, пишет:

«Через 2–3 года, когда у него рак желудка и подходит смерть, ему подают на тарелке его крыжовник. Он поглядел равнодушно...»

Затем такой вариант:

«Глядя на тарелку с крыжовником: вот все, что дала мне в конце концов жизнь».

Несколькими страницами ниже:

«Крыжовник был кисел: “Как глупо – сказал чиновник и умер».

Во всех этих вариантах чиновнику перед смертью открывалась пустота и бессмысленность его жизни. Но писатель отказался от такой развязки. В рассказе Чимша-Гималайский уже не чувствует, что крыжовник кисел, не говорит: «Как глупо», — он расплывается в самодовольно-счастливой улыбке, чуть не плачет от радости и с наслаждением ест пусть жесткий, пусть кислый, но зато свой, собственный крыжовник. Такая развязка сильнее передает силу собственнического самодовольства. Чимша-Гималайский утратил человеческий облик даже внешне: «...постарел, располнел, обрюзг; щеки, нос и губы тянутся вперед, — того и гляди хрюкнет в одеяло». И, может быть, самое страшное в нем — сытость, наглая, ничем не прошибаемая, его утробное равнодушие ко всему, что выходит за пределы его усадьбы.

Равнодушие выступает здесь не просто как черта характера, а как форма человеческого существования, предопределенная собственническим укладом. «Деньги, как водка, делают человека чудаком», — замечает Иван Иванович и рассказывает о купце, который перед смертью съел все свои деньги с медом, чтобы никому не досталось: и еще об одном барышнике, которому ногу поездом отрезало, а он все просил, чтоб ногу отыскивали — там, в сапоге, деньги, двадцать рублей, — как бы не пропали. В сопоставлении с этими эпизодами Николай Иванович уже не кажется каким-то сверхъестественным чудаком, в самой судьбе его начинает проступать закономерность; история с крыжовником предстает как рассказ о том, что сделали с человеком деньги, собственность, имение. И характерно, что Буркин, более ограниченный, чем Иван Иванович, не преминул тут снова прервать его: «Это вы уж из другой оперы».

Так открывается новая грань в теме «футляра» — это и беликовская боязнь жизни, маниакальная мнительность. И вместе с тем «футляр» — это собственническая сытость, самодовольство.

Глубоко предопределенной, внутренне закономерной оказывается эволюция взглядов Николая Ивановича. Он, уже забывая, что отец его — солдат, дед — мужик, говорит: «Мы, дворяне», проповедует телесные наказания, считает, что образование хотя и необходимо, но для народа преждевременно. В одной из черновых записей к «Крыжовнику» записано:

«От сытости начинается либеральная умеренность».

И далее:

«Умеренный либерализм: нужна собаке свобода, но все-таки ее нужно на цепи держать».

Решая загадку «футляра», человеческого равнодушия, Чехов с глубочайшей художественной проникновенностью и зоркостью видит связь между «сытостью» и «либеральной умеренностью», между положением человека в обществе и его взглядами.

В «Крыжовнике» рассказывается о собственнике, потерявшем человеческий облик; одновременно с этим в произведении звучит тема пробуждения человека. «Но дело не

в нем, – говорит Иван Иванович о брате, – а во мне самом. Я хочу вам рассказать, какая перемена произошла во мне в эти немногие часы, пока я был в его усадьбе». И далее:

«В эту ночь мне стало понятно, как я тоже был доволен и счастлив... Я тоже за обедом и на охоте поучал, как жить, как верить, как управлять народом. Я тоже говорил, что ученье свет, что образование необходимо, но для простых людей пока довольно одной грамоты. Свобода есть благо, говорил я, без нее нельзя, как без воздуха, но надо подождать».

Значит, и в самом Иване Ивановиче тоже был кусочек «футляра», частица собственного самодовольства. Он тоже общими словами, внешне довольно либеральными, в сущности отгораживался от главного — от мысли, что дальше так жить невозможно. Он тоже терпел весь этот строй и уклад жизни, где счастье одних основано на несчастье других, где «счастливый чувствует себя хорошо только потому, что несчастные несут свое бремя молча, и без этого молчания счастье было бы невозможно», терпел и пользовался благами такого общественного порядка и отделялся ни к чему не обязывающими пожеланиями свободы.

Вот с этим циничным безразличием к народу, с этим прикрываемым красивыми словесами примирением с существующими порядками и порывает теперь Иван Иванович. И противопоставляет он всему этому лицемерию не уход в демонстративную праздность, не толстовское «опрощение», а призыв изменить весь порядок вещей:

«Мне говорят, что не все сразу, всякая идея осуществляется в жизни постепенно, в свое время. Но кто это говорит? Где доказательства, что это справедливо? Вы ссылаетесь на естественный порядок вещей, на законность явлений, но есть ли порядок и законность в том, что я, живой, мыслящий человек, стою надо рвом и жду, когда он зарастет сам или затянет его илом, в то время, как, быть может, я мог бы перескочить через него или построить через него мост? И опять-таки во имя чего ждать? Ждать, когда нет сил жить, а между тем жить нужно и хочется жить!».

Такова перемена, происшедшая с Иваном Ивановичем, душевный переворот, открывший ему глаза на действительность. Герой вплотную подошел к убеждению, что назрела необходимость в корне и безотлагательно изменить весь существующий строй и порядок жизни.

По З. Паперному